

Наганава Мицуо

Жизнь и думы А.И.Герцена:
К 200-летию со дня рождения

В 2012 году исполняется 200 лет со дня рождения Александра Ивановича Герцена (1812–1870), а 6 апреля — день рождения этого великого русского писателя и мыслителя. В этот день в актовом зале дома-музея Герцена состоится торжественный вечер, в котором примут участие более пятидесяти исследователей и поклонников Герцена со всего мира и более ста российских специалистов.

Мне выпала огромная честь выступить перед вами с докладом накануне такого памятного дня. По правде говоря, я как иностранец чувствую немалый груз ответственности и даже некоторую дерзость, осмеливаясь выступить перед российской публикой с такого рода докладом. Дело в том, что лет десять назад я сделал полный перевод главного произведения Герцена «Былое и думы», а совсем недавно я опубликовал довольно объемную, более чем пятисотстраничную, «Биографию Герцена», и поэтому, когда меня пригласили сделать сегодняшний доклад, я был не в силах устоять, желая поделиться своими мыслями о Герцене с другими людьми. Надеюсь на вашу ко мне снисходительность и понимание.

* * *

Как вам должно быть известно, в царское время имя Герцена было полностью вычеркнуто из употребления в печати, и даже говорить о нем строго запрещалось. А в советский период, напротив, были опубликованы различные труды Герцена, начиная с его 30-томного собрания сочинений под редакцией АН СССР. Герцена так много читали в советское время, о нем так много говорили и так много статей было посвящено его общественной мысли и деятельности, что одних только библиографий было издано несколько объемных книг. Ко всему этому, каждый крупный город в стране имел в своей центральной части улицу, которая носила имя Герцена. Однако после крушения Советского Союза «улицам Герцена» во многих городах России и бывших советских республик были возвращены их старые названия; Герцена сейчас почти не читают, о нем мало говорят и мало пишут, и создается ощущение, что его имя вместе с другими героями революции выброшено «на свалку истории». Иногда кажется, что с того времени, когда его имя высоко превозносилось в России, прошли целые века.

Думаю, что такой подъем и упадок популярности имени и творчества Герцена можно

объяснить лишь характером его общественной мысли и деятельности. Когда он собирался навсегда покинуть Россию в 1847 году, выбрав для себя жизнь в эмиграции в Европе, его главной мечтой была отмена крепостного права и уничтожение самодержавия. Однако в Западной Европе он увидел, прежде всего, страшное разорение простого народа на фоне быстрого развития капитализма, что заставило его во многом пересмотреть свои взгляды на Европу и перейти к критике основ Западной цивилизации. Принимая во внимание то обстоятельство, что его идеи о «русском социализме» стали прямым следствием углубления его неприятия Запада, можно сказать, что это было попыткой преодолеть одновременно как противоречия российского самодержавного строя, так и противоречия западноевропейского капитализма.

Общий характер его общественной мысли и деятельности — против царизма, против капитализма и за социализм — в целом совпадали с мотивами русской революции, и, несмотря на то, что его «аграрный социализм» противостоял социализму марксистскому, основанному на учении индустриализации и модернизации страны, это не мешало Герцену получить репутацию «предвестника русской революции». Однако советский социалистический строй рухнул, Россия взяла ориентацию на вхождение в общемировую капиталистическую систему, среди народа появилось чувство ностальгии по сильной власти — своего рода новому царизму, — и наследие Герцена, как мы видим, потеряло свое прежнее значение.

Тем не менее, сегодня в оценке Герцена намечается новая тенденция, одним из ярких проявлением которой является большой успех спектакля Тома Стоппарда «The Coast of Utopia» («Берег утопии»), одним из главных героев которой является именно Герцен. Несмотря на девятичасовую продолжительность этой постановки, она неизменно пользуется популярностью у зрителя, и спектакли шли целый год не только в Англии (в Национальном театре), но и в США (в Центре Линкольна). В России, в частности, в Москве, этот спектакль также шел в течение очень продолжительного времени, и теперь раз в месяц его можно увидеть в Российском академическом Молодежном театре. Даже в Японии в сентябре 2008 года в токийском театре «Кокун», расположенном в центральном районе Токио Сибуя, спектакль шел на протяжении целого месяца и каждый раз зал был полон зрителей. Кроме того, в 2007 году спектакль получил первые места почти во всех номинациях Токийской премии, соответствующей академическим премиям в мире кино.

Сказать, почему сегодня Герцен вновь начинает привлекать к себе внимание людей, в двух словах нелегко. Однако можно предположить, что это происходит, прежде всего,

потому, что существует некоторое сходство между нашим временем и временем, когда жил Герцен. Время Герцена — середина XIX века — оказалось эпохой, когда вместе с крушением идей Великой французской революции и после смерти великого немецкого философа Гегеля в мыслящих кругах России, стремившихся к общественному преобразованию, появилась необходимость в новых интеллектуальных авторитетах. В свою очередь, после крушения Советского Союза, который стремился воплотить в жизнь идею русской социалистической революции, и после того, как идеи марксизма потеряли свою притягательность, мыслящие люди также испытывают нехватку интеллектуальных и идеологических ориентиров, и это некоторым образом напоминает то время, когда жил Герцен. В данном смысле можно предположить, что люди, негативно относящиеся к господствующей сейчас идеологии «неолиберализма», однако еще не нашедшие для себя новых идеологических ориентиров и потому вынужденные жить в некоем неопределенном душевном состоянии, могут легко обнаружить для себя что-то близкое в жизненном пути Герцена, так же полном различных мучительных идейных поисков. Трудно сказать, каким образом в настоящее время может быть востребована идея «русского социализма» Герцена, предложенная им в качестве выхода из тогдашнего идейного тупика, однако мне думается, что путь идейных исканий Герцена содержит в себе немало поучительного и для сегодняшних мыслящих людей.

* * *

Александр Иванович Герцен родился в 1812 году — прямо накануне Отечественной войны — в Москве, в семье родовитого русского помещика, состоящего в дальнем родстве с правящей династией Романовых. Когда родился Герцен, его отцу Ивану Алексеевичу Яковлеву было 47 лет, а мать Луиза Гаак, которая происходила из семьи бедного прусского чиновника, была тогда всего-навсего 16-летней девушкой. Его отец встретился с ней в Штутгарте во время своего путешествия по Западной Европе. Они не вступали официально в брак, поэтому Александр стал воспитанником отца. Отец дал сыну изобретенную им фамилию «Герцен», происходящую от немецкого «Herz», то есть «сердце».

Важным обстоятельством, способствовавшим зарождению будущих идей Герцена, явилось то, что еще в детские годы он проводил много времени за чтением произведений французских философов-энциклопедистов, имевшихся в отцовской библиотеке. Отец Иван Алексеевич сам был вольтерянцем. Идеи Просвещения привили Герцену уверенность в силе человеческого разума. Написанные им в середине 1840-х годов

философские статьи «Письма об изучении природы» насквозь проникнуты этой уверенностью. В этих «Письмах» Герцен обрисовывает историческое развитие западной общественной мысли как эволюционное движение к формированию человеческого самосознания и к утверждению идеи нравственной независимости человека от окружающего мира. Это движение на Западе явилось частью процесса формирования «современного человека», создавшего современное гражданское общество. В этом смысле нужно сказать, что стремление Герцена сформировать такого рода человека в самодержавной и крепостнической России с самого начала было обречено на неудачу. Тем не менее, рассматривая содержание той эпохи в историческом контексте, нетрудно представить, какое большое влияние оказали вышеуказанные «Письма» Герцена на молодых людей, находившихся под гнетом власти Николая I, после подавления восстания декабристов.

1827 год оказался судьбоносным годом в жизни Герцена. В этом году он встретился со своим лучшим другом, Николаем Платоновичем Огаревым. Тогда Герцену было всего 15, а Огареву — 14 лет. «Аннибалова клятва», данная ими друг другу на Воробьевых горах с тем, чтобы посвятить свои жизни борьбе против самодержавия и крепостного права, на наш взгляд, до сих пор составляет одну из славных страниц в российской истории. Мальчиков в особенности сблизил симпатии к декабристам и увлечение Шиллером. Оставляя в стороне декабристов, я хотел бы здесь немного остановиться на Шиллере.

Вторая половина XVIII века в Германии — время, когда жил и работал Фридрих Шиллер, — была, как свидетельствует его название в германской литературной истории («Sturm und Drang» — «Буря и натиск»), временем бунтарских настроений народных масс против самоуправства феодальных княжеств, мешавших созданию объединенного государства в Германии и модернизации страны. Герои пьес Шиллера, такие, как Вильгельм Телль, маркиз Поза или Карл Моор, олицетворяли собой эти настроения германского народа. Герцена и Огарева увлекало в Шиллере именно это бунтарское стремление народа против власти. Трагические судьбы героев Шиллера еще больше подогревали интерес юношей к творчеству немецкого писателя. Герцену, например, часто снилось, что ему выносится смертный приговор или что он отправляется царем в ссылку. Можно сказать, что уже в раннем возрасте он предвидел трагическую судьбу своего творчества в царской России.

Самым важным событием в его студенческие годы (то есть в 1831–1836 годах) было его знакомство с идеями социализма, в частности с идеями сен-симонизма, что сразу же

резко отделило Герцена и его лучшего друга от остальной молодежи того времени.

Как мы знаем, учение социализма зародилось на Западе в конце XVIII — начале XIX века в качестве общественного течения, обращающего свое внимание на отрицательные стороны капитализма (или, другими словами, современного гражданского общества), при котором господствует буржуазия, и стремящегося к преодолению таких новых социальных противоречий, как раскол общества на имущих и неимущих и появление массы обездоленных. В этом смысле нужно сказать, что появление учения социализма в Европе было нераздельно связано с образованием капиталистического, или буржуазного, общества. Какой же смысл имело знакомство русского общества с социализмом в первой половине XIX века в условиях, когда в России еще не существовало даже зародыша такого капиталистического общества, как на Западе? — И здесь нужно сказать, что для Герцена учение социализма являлось не способом преодоления противоречий капитализма, а прежде всего путем достижения всеобщей социальной справедливости, выразившейся в воплощении в жизнь известного лозунга Великой французской революции «свобода, равенство, братство».

Вышеуказанные особенности его общественной философии — независимость суждения, бунтарский дух и требование социальной справедливости — предопределили судьбу Герцена в царской России. Герцену также суждено было подвергнуться гонениям со стороны царских властей: уже по окончании университета в июле 1834 года он вместе со своим другом Огаревым был арестован за «вольнодумство» и сослан сначала в Пермь, затем в Вятку и Владимир, после чего был, наконец, переведен в Новгород. Ему было разрешено вернуться из ссылки в Москву лишь в середине 1842 года. Тем не менее, никакие гонения не могли сломить антисамодержавный и антикрепостнический строй мысли Герцена. По возвращении в Москву его запас жизненных знаний пополнился разнообразными фактами о неприглядной стороне российской действительности, совершенно неизвестной живущим в столице людям. В глубине его души уже развевалось знамя «свободы и достоинства человека», которое будет освещать путь публициста и мыслителя на протяжении всей его жизни.

* * *

За время восьмилетнего отсутствия Герцена в Москве в настроениях российского общества произошли кардинальные перемены. Прежде всего нужно отметить подъем патриотических настроений в русском обществе того времени. Этот подъем происходил в силу сознания бескрайности и непоколебимости Российской империи на фоне

беспрерывных социальных потрясений в Западной Европе, переживавшей тогда процесс всеобщего преобразования общества, вызванного Французской революцией 1789 года и начавшейся промышленной революцией. Олицетворением новой государственно-патриотической идеологии являлась так называемая «триада» — «самодержавие-православие-народность», — появившаяся на свет благодаря тогдашнему министру народного просвещения С.С.Уварову.

«Философические письма» П.Я.Чаадаева, первое из которых появилось в печати в 1836 году, являлись резким выпадом против господства такой государственно-патриотической идеологии. В своих «Письмах» Чаадаев утверждал, что именно западное католичество представляет собой стержневое содержание всеобщей истории, категорически отрицая при этом право православной России на будущее. По его мнению выходило, что Россия — это страна, которая не имеет никакого прошлого, настоящего и будущего. Против таких крайне эксцентрических идей сразу же выступили русские «почвенники», вскоре широко заявившие о себе в качестве «славянофилов». По мнению одного из вдохновителей данного направления, И.В.Киреевского, главная причина разрушения социального единства Западного мира состояла в буйном расцвете рационализма, имеющем свои корни в произвольном толковании догматов христианской веры в протестантстве, а такая «своевольность протестантства», в свою очередь, происходит от схоластики как господствующего философского течения в мире католицизма. Таким образом, Киреевский видел корень всех бед западного общества в самом католичестве и говорил о спасительном значении православия в будущей всемирной истории.

Вместе с тремя вышеуказанными течениями в российской общественной мысли того времени среди молодежи герценовского возраста появилось и другое направление, утверждающее «примирение с действительностью», к которому принадлежали такие даровитые представители интеллигенции из кружка Н.В.Станкевича, как М.А.Бакунин и В.Г.Белинский. Позже они стали радикальными деятелями, но тогда они буквально применяли известный тезис Гегеля «действительное есть разумное, и разумное есть действительное» к современной России и не боялись признавать существовавшую тогда действительность в виде самодержавия и крепостного права.

Однако Герцен, рассматривавший историю западной Европы в качестве оси всемирной истории, не мог примириться с господствующими государственно-патриотическими настроениями, утверждающими духовное преимущество России перед Западом. Для

такого рационалиста, как Герцен, религия — будь то католичество, протестантство либо православие — одинаково являлась источником народного невежества и рабства, которые, в свою очередь, являлись благодатной почвой для произрастания на ней различных ростков деспотизма. Ко всему прочему, Герцену во время ссылки довелось увидеть слишком много неприглядных сторон российской действительности, чтобы он мог примириться с теми, кто советовал принять эту действительность в том виде, в каком она существует.

Так начиналась одинокая общественная борьба Герцена. Плодами его общественной деятельности явилась серия философских статей «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», роман «Кто виноват?», рассказы «Сорока-воровка», «Доктор Крупов» и другие. В своих произведениях он, прежде всего, стремился нарисовать образ современного человека в западноевропейском смысле и сплотить разрозненные — после неудачи восстания декабристов — прогрессивные общественные силы для преобразования России. В этом смысле, роль, которую Герцен отводил себе в истории русской мысли, была очень похожа на роль философов-энциклопедистов перед Французской революцией и роль немецких идеалистических философов в процессе объединения Германии. К несчастью для Герцена, в отличие от энциклопедистов и немецких философов, чья мысль оказала немалое влияние на ход истории их стран, его идеи не оставили после себя никаких видимых последствий. После его смерти Россия еще долго будет страдать под гнетом самодержавия, и даже социалистический строй, построенный на обломках царизма, будет далек от того социализма, о котором мечтал Герцен.

* * *

1847 год должен был стать для Герцена началом новой жизни. В этот год он навсегда уехал из России, собираясь посвятить свои силы борьбе с самодержавием и крепостным правом, высоко подняв знамя «свободы и достоинства человека» и не страшась никакой цензуры. Однако Февральская революция, в частности, «Июньские дни» 1848 года потрясли Герцена. В эти дни новорожденное французское правительство республиканцев-либералов осуществило настоящую бойню в отношении парижских горожан, которые посмели протестовать против него. К.Маркс рассматривал эти события в качестве «первого классового сражения», а Герцен видел за этими безжалостными действиями правительства ту же логику, которая наблюдалась в средневековом христианстве. Он в недоумении вопрошал себя, какая разница существует между логикой

республиканского правительства, которое не побоялось пролить кровь многих людей под лозунгом охраны «порядка» и «идеи» свободы и демократии, с одной стороны, и логикой европейского средневекового католицизма, не боявшегося сжигать на костре еретиков под лозунгом сохранения «чистоты» веры, с другой. По мнению Герцена, несмотря на различие лозунгов, логика действий властей сама по себе была одной и той же и состояла прежде всего в том, что они по-прежнему предпочитали всякого рода освященные догмы жизни простого человека. Достоевский говорил, что «все разрешено без Бога», яростно критикуя гордость человеческого разума, Герцен же, считавший всякую догму «божественной логикой» и видевший в ней источник всякого рода деспотизма, сказал бы, что «все разрешено именно во имя Бога».

Итак, Герцен потерял свою надежду на Запад, который для него долго был «прародиной» просветительской идеи и социализма. Однако разочарование Герцена в Западе не было связано с разочарованием в идеях, завещанных Западом, как таковых. И здесь он поспешил вновь поднять завещанное Западом знамя «свободы и достоинства человека», воздвигнув его на новых — русских общинных крестьянских — началах. Именно в этом и состояло истинное значение герценовской идеи «русского социализма». В этом смысле можно сказать, что репутация, сложившаяся у Герцена во времена Советского Союза, основывалась на величайшем заблуждении со стороны властей, потому что социализм Герцена совсем не совпадал с советским социализмом. Напротив, нужно сказать, что истинными преемниками Герцена во времена Советского Союза были как раз инакомыслящие. Вообще-то, Герцен являлся одним из самых опасных мыслителей для тогдашней системы. Мне кажется, что это обстоятельство ничуть не изменилось и сегодня.

Здесь я хотел бы обратить Ваше внимание на следующие строки, которые Герцен писал о судьбах социализма: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией» (4-110). Эти строки, относящиеся к концу 1849 года, свидетельствуют о том, как дальновиден был Герцен и как далек он был от догматизма. В отличие от Маркса, Герцен никогда не настаивал на том, что его учение является единственно и навечно истинным.

После катастрофы «Июньских дней» почти все русские — и Тургенев, и Анненков, и

Тучковы — вернулись в Россию. Один только Герцен отказался вернуться в Россию, где правит Николай I. Он писал в своем произведении «С того берега»: «Зачем же я остаюсь? — Остаюсь затем, что борьба здесь, что, несмотря на кровь и слезы, здесь разрешаются общественные вопросы, что здесь страдания болезненны, жгучи, но гласны, борьба открытая, никто не прячется. Где не погребло слово, там и дело еще не погребло. За эту открытую борьбу, за эту речь, за эту гласность — я остаюсь здесь... Месяцы целые взвешивал я, колебался и, наконец, принес все на жертву: Человеческому достоинству, свободной речи» (6-13).

* * *

Однако в Европе Герцена поджидала не только политическая катастрофа. Вскоре и в его семье разразилась семейная трагедия.

Крах революции 1848 года, которая охватила собой всю Европу, породил много политических мигрантов. Немецкий поэт, Георг Гервег, тоже был одним из них. Поводом к семейной трагедии Герцена послужило то, что он протянул руку помощи Георгу и его семье, потерявшей домашний кров. Однако в атмосфере дружеских отношений двух семей незаметно зародилась любовь между супругой Герцена Натальей и Георгом.

Герцен и Гервег оба были борцами революции, поднявшими знамя освобождения своих стран и Европы, и их жены также являлись сотоварищами по этой борьбе. Однако мысли об уничтожении старого мира тесно соприкасались у них с идеями об уничтожении старой морали. С позиции таких взглядов, старая мораль относительно супружеских отношений также должна была быть отринута. Иными словами, супружеская любовь должна была перерасти в совершенно новый вид любви, не имеющей ничего общего с такими «устаревшими» понятиями, как «измена» или «любовная связь». Тем не менее, отношения Натальи и Георга были движимы обыкновенной страстью и переросли в банальную половую связь. Но Наталья слишком любила своего мужа и своих детей, чтобы оставить свою семью и пойти за своим любимым, как Анна Каренина. Сам Герцен был полон решимости оставить свою жену, однако он тоже был не в силах освободить себя от банальной ненависти к человеку, который разрушил его семейное счастье. Такое мучительное положение продолжалось года два и, в конце концов, разрешилось со смертью Натальи в мае 1852 года.

* * *

В августе того же года в глубоком душевном расстройстве Герцен пересек Ла-Манш и

поселился в Лондоне. Так началась последняя стадия жизни Герцена, которая кончилась с его смертью в январе 1870 года в Париже.

Этот период в жизни Герцена характеризуется активной издательской деятельностью. В июне 1853 года он учредил издательство «Вольная русская типография», в котором начали выходить такие влиятельные издания как альманах «Полярная звезда», сборник «Голоса из России» и газета «Колокол». В частности, после того, как в марте 1854 года скончался Николай I и на престол вступил Александр II, и в русской истории началась новая эпоха, которая будет названа «периодом Великих реформ», издательская деятельность Герцена особенно активизировалась, а влияние «Колокола» на русскую публику накануне освобождения крестьян 1861 года так возросло, что Герцена даже стали называть «Александром в Лондоне», сравнивая его с «Александром в Петербурге».

Его новое знамя «Земля и Воля» ярко показывало отношение Герцена к крестьянскому вопросу. Он последовательно отстаивал освобождение крестьян с землей. По его мнению, невозможно было думать о воле без земли, и земля без воли также не имеет никакого значения, потому что земля является залогом сохранения человеческого достоинства крестьян. В этом смысле новый лозунг Герцена «Земля и воля» опять-таки напрямую связывался с его старинным лозунгом «свободы и достоинства человека».

В своей стратегической цели освобождения крестьян с землей Герцен и левое крыло молодого поколения революционеров в главе с Н.Г.Чернышевским и Н.А.Добролюбовым стояли на одной почве, однако они предлагали совершенно различные средства для осуществления этой цели. Образно говоря, коренная разница между ними состояла в их отличном отношении к народному «топору». В то время как Чернышевский и его друзья активно призывали крестьян «к топору» для осуществления своей цели, Герцен никак не мог согласиться с такой тактикой. С одной стороны, он разрешил напечатать в своем «Колоколе» их воззвание «к топору» в качестве одного из голосов из России, но, с другой стороны, он не забыл присовокупить к этому свое критическое мнение. Так, в марте 1860 года в «Колоколе», возражая против автора «Письма из провинции», он писал следующее: «Но к топору, к этому *ultima ratio* притесненных, мы звать не будем до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора» (14-239). Почему же спрашивается? Герцен продолжает: «Следствия (революции 1848 года) вы знаете, а я их видел своими собственными глазами, и, может быть, этот физиологический факт делает между нами большую разницу. Июньская кровь вошла у меня в мозг и нервы, я с тех пор воспитал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности»

(14-243).

* * *

Это отвращение к крови было сильно в нем связано с ненавистью против всякого рода террора. В 1866 году после покушения Каракозова на Александра II Герцен написал: «Выстрел 4 апреля был нам не по душе. Мы ждали от него бедствий, нас возмущала ответственность, которую на себя брал какой-то фанатик. <...> Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами.

Пуль нам не нужно. Мы в полной силе идем большой дорогой; на ней много капканов, много грязи, но в нас еще больше надежд; на ногах тяжелые колодки — в сердце колоссальные, ненизлагаемые притязания. Остановить нас невозможно, можно только своротить с одной большой дорогой на другую — с пути стройного развития на путь общего восстания» (19-58).

Что такое «путь общего восстания»? Я предполагаю, что здесь имеется в виду «бескровная революция в атмосфере всеобщего народного единения», то есть восстание, выражающее общенародное мнение. Задача его издательской деятельности состояла именно в том, чтоб создать такую общественную силу сначала среди молодой интеллигенции и, в конечном счете, среди всего народа. К несчастью для Герцена, эти расхождения в вопросе тактики политической борьбы послужили причиной его постепенного отдаления от левого крыла молодого поколения революционеров 1860-х годов, вследствие чего он снова остался в одиночестве.

* * *

Польский вопрос также усилил политическую и общественную изоляцию Герцена, поставив стену между ним и общественным мнением тогдашней России. В начале 1860-х годов на фоне подъема крестьянского недовольства после манифеста об освобождении крестьян в России в Польше также усилилось движение к борьбе за национальную независимость. Польские деятели освободительного движения неоднократно обращались к Герцену с попытками организовать сотрудничество с обществом «Земля и воля», представлявшим тогда общероссийские революционные силы. Герцен же, хорошо знавший настоящее положение вещей, просил поляков повременить с поднятием национального восстания. Герцен полагал, что план восстания, еще окончательно не вызревший, обязательно повредит как польскому, так и общероссийскому освободительному движению. Однако с началом восстания в начале 1863 года Герцен сразу же встал на защиту восставшей Польши и, подвергая резкой критике русскую

публику, возмущенную польским бунтом, писал в «Колоколе»: «..Если мы верили, что русский народ в своем азиатском раболепии любит господство над другими народами, и в силу этого выносит рабство, и в силу этого станет теперь за правительство, против Польши, нам осталось бы только желать, чтоб Россия как государство была унижена, обесславлена, разбита на части: желать, чтоб оскорбленный и попраный народ русский начал новую жизнь, для которой память прошедшего была бы угрызением совести и грозным уроком» (17-42).

Однако после неудачи польского восстания, чего и опасался Герцен, он оказался полностью изолированным от русской публики и так быстро потерял свой авторитет в России, что даже прошел слух о его смерти. В апреле 1864 года Герцен писал И.С.Тургеневу: «Мы испытываем отлив людей с 1863 — так, как испытали его прилив от 1856 до 1862... Придет время — не “отцы”, так “дети” оценят тех трезвых, и тех честных русских, которые одни протестовали — и будут протестовать против гнусного умиротворения. Наше дело, может, кончено. Но память того, что не вся Россия стояла в разношерстном стаде Каткова, останется. Мы спасли честь имени русского — и за это пострадали от рабского большинства» (27-454–455).

* * *

Общественная изоляция Герцена и потеря им своего авторитета стали причиной резкого падения тиража газеты «Колокол» с 2500 до 500 экземпляров, и он вынужден был прекратить его издание и в марте 1865 года решил сменить место издательства: «Вольная русская типография» переехала из Лондона в Женеву, и сам он покинул Лондон. Так начались последние годы его полной скитаний жизни.

Характерным событием этого периода жизни публициста-революционера является столкновение Герцена с молодыми русскими эмигрантами. Суть этого столкновения состояла в разнице их взглядов на «социализм». «Русский социализм» Герцена рассматривал в качестве своей необходимой основы русскую крестьянскую общину, и за этими идеями скрывалось его негативное отношение к «загнивающему» буржуазно-мещанскому Западу. Однако для молодых эмигрантов, взгляды которых сформировались под влиянием трудов Чернышевского, такой «аграрный социализм» Герцена был уже плохо понятен, и они вплотную подошли к марксистскому индустриальному социализму, делавшему ставку на пролетариат. С марксистской точки зрения, социалистическое общество должно было быть промышленным и его носители должны были быть промышленными рабочими, т. е. пролетариями, а не крестьянами. В

этом смысле призыв Герцена к «Земле и воле» являлся для них не более, чем анахронизмом. И поэтому естественно, что, когда в 1866 году в статье «Порядок торжествует!» Герцен, описывая историю социалистических учений в России, определил Чернышевского как преемника своего «русского социализма», против него самым резким образом выступил ученик Чернышевского Александр Серно-Соловьевич, к тому времени уже активно работавший на арене западного революционного движения и являвшийся одним из руководителей рабочего движения в Женеве. Серно-Соловьевич писал: «Между вами и Чернышевским не было и не могло быть ничего общего. Вы — два противоположные элемента, которые не могут существовать рядом, друг возле друга; вы представители двух враждебных натур, не дополняющих, а истребляющих одна другую, до того расходитесь вы во всем — от мировоззрения и до отношения к самим себе и людям, от общих вопросов до малейших проявлений частной жизни» (Литературное наследство. Т. 41–42. С. .28).

* * *

К вышеуказанному пренебрежительному и даже оскорбительному отношению к Герцену со стороны молодых эмигрантов прибавилось также все большее отчуждение его от своих старых «боевых» товарищей — Огарева и Бакунина, которые сближаются в это время с радикально-революционным движением в России и Западной Европе. Бакунин, как глава партии анархистов, был поглощен в то время борьбой с марксистами в международном рабочем движении, а Огарев увлекся интригами и сошелся с будущим убийцей С.Нечаевым, называвшим себя представителем нового революционного движения в России. По их мнению, время разговоров и диспутов уже прошло, и наступила пора агитации и действия. Однако Герцен никогда не смог согласиться с таким радикализмом. В «Письмах к старому товарищу» (1869) Герцен вновь говорит о своей глубокой вере в силу слова, в силу разума и в достоинство человека.

Я хотел бы закончить свой доклад, процитировав несколько наиболее значительных мест из данного произведения. Они звучат как прощальное напутствие одинокого философа:

«Против ложных догматов, против верований, как бы они ни были безумны, одним отрицанием, как бы оно ни было умно, бороться нельзя, — сказать “не верь” так же авторитетно и, в сущности, нелепо, как сказать “верь”. Старый порядок вещей крепче признанием его, чем материальной силой, его поддерживающей» (20-579).

«Знание неотразимо — но оно не имеет принудительных средств — излечение от

предрассудков медленно, имеет свои фазы и кризисы. Насилием и террором распространяются религии и политики, учреждаются самодержавные империи и нераздельные республики, насилием можно разрушать и расчищать место — не больше... Не душить одни стихи в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать» (20-577–578).

«Социальному перевороту ничего не нужно, кроме понимания и силы, знания — и средств. Но понимание страшно обязывает. Оно имеет свои неотступные угрызения разума и неумолимые упреки логики» (20-580).

«Человек, склонявший голову перед капуцином, идущим с крестом, делал то же, что человек, склоняющий голову перед решением суда, как бы оно нелепо ни было. Из этого-то мира нравственной неволи и подавторитетности, повторяю, мы и бьемся выйти в ширь понимания, в мир свободы в разуме» (20-583).

Однако до этого мира человечеству еще далеко. Герцен пишет:

«Я несколько не боюсь слова “постепенность”, опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумения» (20-583).

Грядущий всемирный переворот видится Герцену следующим образом:

«Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощому художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании» (20-581).

Через полгода после завершения «Писем к старому товарищу», 21 января 1870 года, Герцен скончался в Париже в возрасте 58 лет.

* * *

Он оставил после себя сына и трех дочерей. Сын Александр женился на итальянке и поселился в Италии, посвятив себя делу науки. Вторая дочь Ольга вышла замуж за французского историка и поселилась во Франции. Старшая дочь Наталья прожила всю жизнь незамужней, а младшая дочь, родившаяся от связи Герцена с женой Огарева, Натальей Тучковой, покончила с собой самоубийством через несколько лет после смерти отца. В конце концов, никто из его детей и их потомков так и не вернулся в Россию. Таким образом, рода Герцена в России больше не существует.

* * *

В завершение своего выступления я хотел бы прибавить еще несколько слов.

Как мы знаем, основатель этого Дома Александр Исаевич Солженицын был глубоко религиозным человеком. Александр Иванович Герцен, напротив, был принципиальным атеистом. Александр Солженицын отталкивался в своей жизни от православной традиции и, как славянофилы 40-х годов XIX века, видел будущее России в возрождении святой Руси допетровского периода; другой же Александр до конца своих дней жил с твердой верой в силу человеческого разума и полагался на идеалы западной философской мысли, оформившейся после Реформации XVI века.

Таким образом, на первый взгляд, между двумя Александрями существует «разница огромного размера», однако, приглядевшись внимательнее, мы можем обнаружить между ними не менее значительное сходство. Последнее состоит, на мой взгляд, прежде всего в том, что оба Александра боролись против всякого рода деспотизма и выступали за свободу и достоинство человека. Я был бы счастлив, если бы благодаря моему сегодняшнему докладу, Александр Герцен получил бы свою законную «прописку» в Доме русского зарубежья им. А.Солженицына.